

Александр Винников

Эволюция антифашистского движения в России: от советского антифашизма к интеллектуальному и гуманитарному антифашизму

Как два различных полюса —
Во всем враждебны мы.
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы!

Вынесенные в эпиграф строчки из песни военных лет выражают суть феномена советского антифашизма, понимание которого подчинено формуле: мы, советские люди, ценою огромных жертв спасли мир от «коричневой чумы». С этой формулой связана коллективная память о миллионах жертв, принесенных на алтарь победы. Однако не лишила ли эта сформированная пропагандой коллективная память советских людей и их потомков самой возможности принципиального анализа фашистской идеологии? А точнее, не закрыла ли предполагаемая отчетливость термина «советский антифашизм» доступ к интеллектуальному анализу фашистской идеологии?

I. Советский антифашизм. Цель антифашизма советского образца однозначна — сплотить советских людей чувством ненависти к врагу, оправдать в их глазах необходимость не жалеть своих и чужих жизней в борьбе с реальным воплощением зла. Со словом «фашизм» ассоциировались и сожженные села, разрушенные города, и погибшие голодной смертью ленинградцы, и не вернувшиеся с войны отцы и сыновья.

Александр Яковлевич Винников
Правозащитный совет
Санкт-Петербурга,
vinal@av11416.spb.edu

Мир четко делился на советских людей и фашистов-нелюдей, которым одновременно на одной Земле не было места. Пока граница между фашистами и антифашистами (советскими интернационалистами) проходила вдоль линии фронта, никаких проблем не возникало.

На занятых советскими войсками территориях по идеологическому трафарету воспроизводился прямолинейный и схематичный советский антифашизм. Победа в Великой Отечественной войне оправдывала не только жертвы, понесенные народами СССР в период с 1941 по 1945 г. Все жертвы — и революции, и репрессий послереволюционного периода, и предвоенного времени — списали на необходимость подготовиться к войне и с этой целью произвести срочную индустриализацию и модернизацию. Мобилизационный потенциал советского антифашизма оказался не исчерпан по сей день [Кургинян 2010а; Кургинян 2010б; Кургинян 2010в].

По другую сторону от линии фронта распространялся сделанный также по идеологическому трафарету противоположный набор штампов — фашистский антикоммунизм, провозглашавший абсолютным злом большевиков. На оккупированных немцами территориях население, еще не забывшее ужасы продразверстки, раскулачивания, сплошной коллективизации и тридцать седьмого года, позитивно воспринимало призывы типа «Бей жида-большевика, морда просит кирпича!». Почти половина жертв Холокоста приходится на захваченные немцами советские территории, где репрессии против еврейского населения осуществлялись при активном участии местных националистов [Солонин 2008]. Не будем говорить о судьбах ветеранов Русской освободительной армии генерала Власова — на эту тему есть публикации, описывающие их персонально [Хоффманн 1990]. Теперь каждый год мы видим по ТВ репортажи об объединении бывших членов зондеркоманд СС, набранных из прибалтийских партизан, которые боролись против «советских оккупантов» в рядах немецкой армии. Мобилизационный потенциал антисоветского национализма тоже не исчерпан и по сей день.

Плотно встроенный в коммунистическую идеологию «советский антифашизм» (как ее обязательная составляющая, идеологема) парадоксальным образом не содержал прямого принципиального отрицания сущностных сторон фашизма, объявляя его формой «последней стадии загнивания капитализма — империализма». Таким образом, советский антифашизм сводился к приклеиванию ярлыка «фашист» любому противнику советского тоталитарного строя и в этом смысле был важнейшей системообразующей частью имперского

сталинистского мифа. Наиболее экстравагантный культбит советского антифашизма связан с объявлением сионизма одним из проявлений фашизма. Этот тезис, по времени довольно поздний, и по сию пору эпизодически возникает в пропагандистском арсенале русских неофашистов.

К одной из первых попыток широко представить советскому обществу аналитический взгляд на фашизм как социально-политический феномен я отношу фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм» (1965) [Ромм 2007]. В фильме отчетливо просматривались два плана. Первый — противопоставление фашистской идеи и коммунистической идеи, которое вполне совпадало с основными тезисами советской антифашистской пропаганды. Но кроме этого пропагандистского плана был еще и потрясающий по выразительности видеоряд, который у каждого советского зрителя немедленно порождает массу ассоциаций с окружающей его советской действительностью. Это обстоятельство привело к довольно быстрому прекращению проката фильма.

Распространявшееся исподволь в обществе представление о внутреннем родстве фашизма и коммунизма породило идею тоталитаризма, долгое время остававшуюся без конкретной формулировки, ибо труды Ханны Арендт [Арендт 1996] и ее предшественников в то время были, конечно, недоступны. Но даже самые ранние размышления на эту тему стимулировали внутренние поиски реальных альтернатив советскому строю, среди которых был и национал-социализм. Подчеркиваю, что именно в 1960-е гг. постепенно стала нарастать оппозиция действовавшему в стране политическому режиму, которая начала формироваться в двух формах — в либерально-анти тоталитаристской и национал-социалистической (фашистской).

Диссиденты советского периода (и либералы, и националисты) одинаково преследовались КГБ и сидели в одних и тех же лагерях. Академик Шафаревич, идеолог русского национализма, одно время входил в состав правозащитной группы, созданной академиком Сахаровым. Возможно, в числе прочих и этот факт стимулировал определенную «толерантность» к национализму диссидентской среды, которая дистанцировалась от советской идеологии вообще и в частности от ее антифашистской составляющей. И хотя, безусловно, для либеральной части диссидентства фашизм был неприемлем, но и антифашизм в итоге рассматривался как проблема неактуальная (кем-то в большей, кем-то в меньшей мере).

II. Интеллектуальный антифашизм. Это положение сохранялось вплоть до начала перестройки и наступления «эпохи

гласности», когда прежде латентная оппозиция получила возможность самовыражения. Одновременно лишившаяся своей привычной идеологической опоры партийная номенклатура начала всерьез рассматривать национал-патриотическую линию как замену «единственно верному марксистско-ленинскому учению». Однако первые попытки использовать национал-патриотизм как синоним советского антифашизма (т.е. в духе характерной для 1960–1970-х гг. борьбы с «литературными власовцами» и «сионо-фашистами») не имели успеха. Разворачивалась реальная борьба между демократами и тесно связанными с номенклатурой национал-патриотами за формирование новых ценностных установок у будущих избирателей. Терминология, характерная для темы советского антифашизма, полностью исчезла из лексикона всей властной элиты, которая в начале постсоветского периода была занята не только обретением нового статуса «эффективных собственников» бывшего «общенародного достояния», но и наработкой нового словарного запаса. Вывод войск из стран бывшего социалистического лагеря, открытие страны для разнообразных связей с Западом, отказ от прежних территориальных приобретений, а главное — закрепление за понятием «антисоветчик» фактически однозначно положительной оценки полностью исключили возможность использовать пропагандистский механизм, заключенный в советском антифашизме, для стигматизации врагов.

Демократическое движение в СССР довольно быстро распалось на республиканские фракции, в каждой из которых местные националистические мотивы играли большую или меньшую роль в зависимости от отношения к союзному центру [Винников 1998]. В республиках союзный центр воспринимался как метрополия, в связи с чем векторы антисоциалистической и националистической ориентаций практически совпадали. В самой метрополии, географически и ментально отождествлявшейся с союзным центром, поддержка русских националистов автоматически привела бы к ослаблению антиноменклатурной направленности демократического движения. Отсюда возникла парадоксальная позиция по национальному вопросу российских демократов: обозначив свое отчетливое противостояние русским националистам, они вполне толерантно относились к националистам в союзных республиках, в полном соответствии с известным принципом «враг моего врага — мой друг».

Реакцией на такую двойственную позицию российских демократов стало создание Владимиром Жириновским (при очевидной поддержке силовых структур и консервативной части номенклатуры КПСС) партии ЛДПР, ориентировавшейся

в своей идеологии на «имперскость» в советской ментальности. Жириновский целиком опирался на милитаристский компонент советского антифашизма, чего оказалось достаточно для того, чтобы выиграть судебный процесс против Егора Гайдара, прямо назвавшего Жириновского фашистом.

Тогда же, в начале 1990-х гг., в Ленинграде в рамках объединения «Ленинградская трибуна» на базе журнала «Звезда» собралась группа интеллектуалов, поставивших своей задачей изучение фашизма (в том числе русского фашизма) и неофашизма как социальных феноменов, а также выработку реальных механизмов противодействия фашистской угрозе в современности. Итоги этой коллективной работы были обобщены в публикациях сборника «Национальная правая: прежде и теперь», который получил сокращенное название «Семикнижье», подчеркивавшее фундаментальность подхода авторов к изучаемой проблеме [Национальная правая 1992]. Первый опыт противостояния фашистам в рамках публичного судебного процесса был осуществлен в деле «Романенко против Катерли» [Катерли 1998]. С 1992 г. начал издаваться антифашистский журнал «Барьер» [Барьер 1992—].

Один из лидеров этого направления, которое теперь стали обозначать как интеллектуальный антифашизм, Николай Михайлович Гиренко вошел в состав Комиссии Ленсовета XXI созыва по правам человека, а также в состав Комиссии по вопросам общественных и общественно-политических организаций и оказал серьезное влияние на политику Исполкома Ленсовета в сфере межнациональных отношений.

Формирование взглядов и подходов Группы по правам национальных меньшинств Союза ученых происходило в условиях, когда едва ли не единственным ресурсом самоорганизующегося русского националистического движения были его представители в парламентской оппозиции. Во властной элите новой России активизировались силы, готовые использовать дискурс, аналогичный мобилизационному дискурсу советского антифашизма. Спусковым механизмом его возрождения стала Чеченская война. Идея войны, сопровождавшейся внедрением в массовое сознание кавказофобии (прежде всего путем изготовления низкопробных пропагандистских материалов), встретила широкую поддержку в рядах русских националистов. Таким образом возник обновленный дискурс советского антифашизма, необходимый для легитимации неофашизма во взглядах властной элиты и возможности инфильтрации новых русских фашистов во властный истеблишмент.

На дальнейшее развитие этого процесса оказали сильнейшее влияние два фактора. Прежде всего то, что военная авантюра

в Чечне, задуманная как «кавказский блицкриг», провалилась и национальная консолидация на почве «маленькой победоносной войны» не состоялась. Вторым фактором был связан с отсутствием политика, который мог бы прийти на место стремительно стареющего Ельцина и обладал бы харизмой, необходимой для консолидации общества и предотвращения прихода к власти коммунистов во главе с Зюгановым.

Эта проблема была решена путем назначения наследником Ельцина Владимира Путина — человека, связанного как с реформаторским крылом, так и с силовиками. Принципы «нового порядка» Путин обозначил в самом начале своего правления восстановлением советского гимна, что возродило значение сталинистской имперской мифологии, эклектично включенной в начавший складываться во времена Ельцина образ новой России, опиравшийся главным образом на символику царской России. Империя Сталина, победившая фашизм и тем самым оправдавшая все понесенные народом жертвы в ходе революции, репрессий и сталинской модернизации, стала неотъемлемой частью нового псевдоисторического мифа. Последний рассматривал путинскую Россию как результат непрерывного возрастания величия России в ходе ее развития и представлял необходимой постоянную борьбу со враждебным окружением во имя возрождения в новом имперском статусе.

Именно в это время, совпавшее с началом борьбы с экстремизмом, Н.М. Гиренко совместно с юристами из Санкт-Петербургского института Генеральной прокуратуры удалось издать ряд методических брошюр, ставших существенным подспорьем следователям и судьям, которые вели дела, содержавшие обвинения по 282-й статье УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». В результате эффективность работы правоохранительных органов начала постепенно возрастать [Винников, Губанов, Тарусина 2008].

Националисты, которые оказались оттеснены на обочину политической жизни, вынуждены были уйти в оппозицию, где некоторые из них обрели союзников в лице части демократической оппозиции, склонной обвинять в фашизме Путина. Речь идет о национал-большевиках, вошедших в коалицию «Другая Россия» вместе с Объединенным гражданским фронтом Каспарова и коммунистами-ампиловцами. Идеология национал-большевистской партии, созданная писателем Лимоновым и философом Дугиным, является адаптированным к российскому культурно-историческому контексту эклектичным набором идей, подобных тем, которые были предложены ближайшими сподвижниками Гитлера Отто Штрассером

и Йозефом Гиммлером в качестве идейного обоснования намечавшегося в начале 1930-х гг. союза немецких фашистов с большевиками. Создатель идеологии русского национал-большевизма Александр Гельевич Дугин довольно быстро понял необходимость дальнейшей адаптации национал-большевистского мифа к нуждам путинской элиты, вышел из партии, которую сам основал, и продолжил свою карьеру в путинском политическом истеблишменте как идеолог «евразийства» (нео-евразийства).

III. Современный «левый антифашизм» и «гуманитарный антифашизм». Антифашистское движение в России сегодня существует в виде коалиции леворадикальных активистов, в которой доминируют молодые анархисты. Как показывают анализ их интервью и содержание их акций, они склонны интерпретировать современный антифашизм в духе советского антифашизма, но с ослабленной или даже полностью элиминированной имперской составляющей и видят свою главную задачу в физическом противостоянии членам молодежных неонацистских группировок. Это аналог левого европейского антифашизма. Результатом их деятельности стала латентная гражданская война, идущая на улицах российских городов, война с жертвами. Оппозиционность Антифа дает власти основания обвинить всю оппозицию в экстремизме и подчеркнуть свою роль как опоры стабильности и порядка.

После гибели Николая Михайловича Гиренко в 2004 г. члены Группы по правам национальных меньшинств осознали необходимость перейти к публичным формам противостояния возрастающей активности неонацистов. Дело в том, что к этому моменту уже начались процессы консолидации тех группировок русских националистов, которые ставят перед собой задачу реального прихода к власти, например ДПНИ — Движение против нелегальной иммиграции. Ответом на их публичную активность стали проводимый ежегодно в Санкт-Петербурге «Марш против ненависти памяти Николая Михайловича Гиренко» и антифашистская коалиция «Ксенофобии нет!», созданная на базе молодежных правозащитных организаций и поставившая во главу угла ненасильственные методы противодействия идеологии фашизма, которые включают в себя культурные мероприятия, публичные дискуссии, кинофестивали и уличные пикеты. Недавно для такой антифашистской деятельности появилось очень хорошее название «Гуманитарный антифашизм».

Интересна реакция на эти процессы тех лидеров оппозиции, которые пытались создать псевдонародный фронт против Путина путем объединения с «нацболами» и коммунистами-

ампиловцами, а также правозащитным сообществом. Прежде всего, это полное игнорирование петербургских инициатив и спорадические попытки создать общероссийское антифашистское движение, основным признаком которого будет оппозиционность. После того как провалились подряд две попытки провести учредительный съезд и сразу основать новую общероссийскую антифашистскую организацию, те же лидеры оппозиции попробовали создать широкое молодежное антифашистское движение памяти убитого фашистами адвоката Станислава Маркелова. Учрежденный для этой цели «Комитет 19 января» при беспрецедентной поддержке средств массовой информации провел одну акцию действительно общероссийского масштаба. Примечательно, что манифест, опубликованный Комитетом, трактовал фашизм вполне в духе советского антифашистского мифа: фашисты — это просто очень плохие люди, которые совсем обнаглели — убивают всех подряд!

Реакция путинских пропагандистов на «Марш против ненависти» была более рациональной. Увидев, что эта акция становится все более популярной, они попытались перехватить инициативу, приведя на Марш множество своих сторонников под флагами Единой России. Первый раз это было сделано в корректной форме, но, получив отказ, они в следующем году пришли на акцию уже без приглашения, и только вмешательство милиции предотвратило схватку между Антифа и Молодой гвардией Единой России. Поняв, что перехватить инициативу не удастся, Марш решили задушить информационной блокадой.

В 2010 г. перед седьмым «Маршем против ненависти» выяснилось, что некоторая часть его обычных участников отказывается от мероприятия, потому что оно проходит под лозунгом защиты ст. 282 УК РФ, отмены которой требуют националисты и коммунисты. Оказывается, что это их требование поддерживает не только Жириновский, но и часть демократов. О чем говорит этот парадоксальный факт? Что может быть общего между Жириновским и Каспаровым, между Беловым и Миловым? Общим для них и многих других является российский постсоветский социум, к которому все они пытаются апеллировать, чтобы получить электоральную поддержку. Этот традиционалистский социум в значительной своей части состоит из людей, с молоком матери впитавших советскую антифашистскую мифологию, из людей, разделенных коммуникационными барьерами, по одну сторону которого находятся «свои», а по другую — «чужие». И оппозиция «свой — чужой» образуется, как правило, на основании навязанных представлений. В основе этих представлений лежит либо националистическая, либо леворадикальная мифология, в рамках которой выстраивается

общение и со «своими», и с «чужими». В этой ситуации необходимо предпринимать специальные меры по защите конституционного порядка, запрещающие воспроизводство определенных, уже известных мифов, чтобы «свои» не объединились для убийства «чужого» (еврея, негра, таджика, капиталиста, милиционера и т.д.). Это ограничение и реализуется ст. 282 УК РФ, против которой так ополчились националисты и некоторые из демократов.

Кроме убийства по мотивам национальной вражды есть масса других способов проявления ненависти, например ограничение прав гомосексуалов в гетеросексуальном обществе, ограничение прав политических оппонентов на доступ к средствам массовой информации и т.д. Именно этот набор ограничений реализован в нашем обществе, этот инструментарий используют мастера политических технологий. Единственная возможность им противостоять — это добиться повышения значимости межличностной коммуникации в противовес разделяющим нас обезличенным коммуникативным барьерам.

Несколько слов хочется сказать по поводу «гуманитарного антифашизма», ставящего перед собою задачу дискредитации националистических и леворадикальных мифов при помощи тренингов, этнографического и культурного просвещения. Основные ограничения такого подхода, который в значительной степени противостоит советской антифашистской мифологии, связаны с тем, что он не затрагивает сам факт существования барьеров. Национальные различия существуют, но их можно и должно игнорировать, ибо эти противоречия не антагонистические и не препятствуют межличностному общению. [Юров, Городецкий 2010; Myakinchenko 2010]. Социальные различия эмоционально гораздо сильнее нагружены, чем межэтнические, поэтому на них пропаганда толерантности не распространяется. Кстати, именно последнее обстоятельство лежит в основе требований пересмотреть 282-ю статью в той ее части, которая касается запрета возбуждения ненависти по социальному признаку. В стране, где на протяжении советского периода ее истории захватившие власть политические экстремисты последовательно возбуждали ненависть к различным социальным группам (дворянам, «кулакам», политической оппозиции, как правой, так и левой) вплоть до их полного уничтожения, такая деятельность должна быть признана противоправной и строжайше преследоваться по закону. По существу политика современной постсоветской России в этой области сводится к использованию средств массовой информации для выстраивания новых барьеров и ликвидации старых. Именно поэтому политикам мешает 282-я статья, наказывающая за возбуждение ненависти к тому, кто по другую сторону

барьера. Отмена этой статьи немедленно откроет широкую дорогу для пропаганды всех видов ненависти, которая, если дать ей волю, немедленно разрушит взаимные терпимость и доверие, лежащие в основе общественного договора.

Нарисованная мною картина постепенной дифференциации советского антифашистского мифа как средства консолидации постсоветского социума, разумеется, не дает полной картины динамики политического процесса в современной России. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. выявился огромный потенциал органической солидарности, существующий в российском обществе. Именно этот тип солидарности превалировал на протяжении всех 1990-х гг., и именно это время вспоминают как страшный сон нынешние политические лидеры страны. Зародившийся в эти годы в Санкт-Петербурге интеллектуальный антифашизм, который рассматривает противодействие тоталитарным тенденциям в обществе не только как направление политической борьбы, но и как вызов интеллектуальному научному сообществу, с тем чтобы оно использовало свой экспертный потенциал в целях просвещения и для рационализации национальной и социальной политики, в настоящее время продолжает развиваться и оказывать влияние на становление антифашистского движения в России.

Выводы

1. Антифашистское движение в современной России представляет совокупность фрагментов, возникших в результате процессов распада советской коммунистической идеологии и входившей в нее идеологемы «советский антифашизм». Этот продолжающийся процесс распада создает серьезные препятствия на пути консолидации российских антифашистов.
2. Остаточному синдрому «советского антифашизма» и современному антифашизму «левых» противостоят «интеллектуальный антифашизм» и «гуманитарный антифашизм». Водораздел между этими течениями пролегает по линии принятия—отвержения насилия как метода борьбы.
3. Властная элита демонстрирует приверженность различным остаточным формам «советского антифашизма», которые реализуются в деятельности прокремлевских молодежных движений «Наши», «Местные», «Сталь» и т.д. Одновременно власть демонстрирует готовность к сотрудничеству с представителями «интеллектуального» и «гуманитарного антифашизма», главным образом в программах, подобных Программе Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность» («Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений,

профилактика проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы»).

Библиография

- Арендт Х.* Истоки тоталитаризма: Пер. с англ. М.: ЦентрКом, 1996.
- Барьер: антифашист. журн. СПб.: Б-ка «Звезды», 1992–.
- Винников А.Я.* Цена свободы. СПб.: Библиополис, 1998.
- Винников А.Я., Губанов И.Б., Тарусина И.Г.* Диссиденты, неформалы, демократы: В 3 т. Т. 3: Против ненависти: Сб. мат-лов антифашист. движения Ленинграда — Санкт-Петербурга. СПб.: Норма, 2008.
- Катерли Н.* Иск: Док. повесть. Самара: Самар. отд-ние Рос. евр. конгр., 1998.
- Кургинян С.* Красный триумф на пятом канале // Завтра. 2010а, 10 ноября. № 45. Эл. версия: Сайт «Центр Кургиняна» 10.11.2010 <<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=2291#top>>.
- Кургинян С.* «Либериды» // Сайт «Центр Кургиняна». 29.11.2010 <<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=2289>>.
- Кургинян С.* Страна не хочет умирать // Литературная газета. 2010в, 3 ноября. № 44. Эл. версия: Сайт «Центр Кургиняна». 03.11.2010 <<http://www.kurginyan.ru/publ.shtml?cmd=art&auth=10&theme=&id=2290>>.
- Национальная правая прежде и теперь: Ист.-социол. очерки: В 3 ч. СПб.: Б.и., 1992.
- Ромм М.* Обыкновенный фашизм // Скепсис. 2007, 9 апреля <http://scep sis.ru/library/id_1174.html>.
- Солонин М.С.* Фальшивая история Великой войны. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
- Хоффманн Й.* История власовской армии. Paris: Ymca-press, 1990. Эл. версия: <<http://www.russia-talk.org/cd-history/hoffmann/ti-tle.htm>>.
- Юров А., Городецкий Д.* Гуманитарият, или О месте интеллектуалов в социальном пространстве // Сайт Международного ресурсного центра «Антифашистский архив». 01.03.2010 <<http://www.a-archive.org/en/node/164>>.
- Муакинченко Р.* Антифашизм и гуманизм [изложение лекции А. Юрова, прочитанной 23 января 2010 г. в Центре Сахарова в рамках Школы гуманитарного антифашизма и просвещения]. 23.01.2010 <<http://polly-journ.livejournal.com/101645.html>>.